

№ 1

1980

КРОКОДИЛ

«И поменьше,
товарищи,
парадности
и шумихи,
поменьше того,
что В. И. Ленин
называл
«политической
трескотней».

Л. И. БРЕЖНЕВ

СЕЙ ПАРАДНЫЙ КСИЛОФОН
ИЗДАЕТ ПУСТОЙ ТРЕЗВОН.
НАЗНАЧЕНИЕ ЕГО —
ШУМ РАЗДУТЬ ИЗ НИЧЕГО.

Стихи М. ВЛАДИМОВА
Рисунок М. АБРАМОВА

Пустой трезвон... Помимо всего прочего, от него еще и прямой вещественный убыток. Как вы, наверное, догадываетесь, мы имеем в виду бумагу. Ту самую, кото-

рая не умеет краснеть, даже в тех случаях, когда именуется «деловой», а делу-то, мягко говоря, вовсе не помогает...

См. стр. 7.

КРОКОДИЛ-80: СМЕХ И СЛЕЗЫ

«Здравствуйте, уважаемый фельетонист!»

Это ничего, что я так Вас называю? А иначе я и не знаю, как Вас зовут, ведь под фельетонами, написанными Вами на второй странице «Крокодила», стоит подпись «Фельетонист», что и побудило написать меня именно Вам, а не другому, например, главному редактору или спецкору «Крокодила»...

Но сначала давайте познакомимся: Галкина Татьяна, 26 лет, член КПСС, рабочая, живу в Рязани...

А теперь перейду к тому, из-за чего решила написать. Я ярый, если так можно выразиться, поклонник Вашего журнала. Всегда читаю от корки и до корки весь журнал. Всегда радуется злободневность, острота, сатиризм фельетонов, рассказов, рисунков... Вы проникаете во многие сферы нашей жизни, показываете все недостатки... А какой результат?

Уважаемая Татьяна! Вы затронули самый главный вопрос: действенность наших выступлений. В прошлом году журнал получил около 93 тысяч писем читателей. В основном это сигналы о недостатках нашей жизни. И это вполне естественно, потому что у редакции журнала есть конкретная задача: критиковать бесхозяйственность, бюрократизм, несовершенство управленческого аппарата...

К сожалению, редакция не всегда получает достаточно ясные ответы от людей, которые ответственны за важные участки нашей трудовой деятельности.

Речь Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС ставит конкретные задачи перед всей страной и, в частности, перед нашим журналом.

Вот что, разрешите Вам напомнить, сказал Л. И. Брежнев на Пленуме:

«Главные направления такой работы:

это — всемерное развертывание социалистического соревнования, его ориентация на качественные показатели, борьба за выполнение встречных планов;

это — поддержка и распространение передового опыта, передовых форм и методов работы, способствующих повышению производительности труда;

это — последовательное проведение режима экономии, рациональное использование материальных и финансовых ресурсов;

это — борьба с нарушениями трудовой дисциплины, разгильдяйством и расхлябанностью. Растущую роль в этой борьбе должны играть трудовые коллективы, и надо расширять их права.

В центр всех наших усилий должна быть поставлена мобилизация трудящихся на выполнение заданий последнего года пятилетки. Задания плана 1980 года непростые. Но они должны быть выполнены и превзойдены. Что нужно для этого! Нужно создать обстановку высокой требовательности, организованности, творческого отношения к делу на всех участках народного хозяйства, в каждой производственной ячейке.

Все мы понимаем, что социалистическая экономика немыслима без укрепления централизованного начала. Вместе с тем и в политике, и в экономике централизм нам нужен демократический, открывающий широкий простор инициативе снизу — инициативе колхозов и совхозов, предприятий и объединений, местных органов. Это вытекает не только из нашего мировоззрения, но и из экономической необходимости. Инициатива снизу — наш ничем не заменимый резерв в ускорении экономического развития.

О стране, о ее экономике думают, за них болеют душой тысячи и тысячи трудовых коллективов, миллионы и миллионы сознательных советских граждан. Социалистический хозяйственный механизм призван обеспечить достойный выход быющей ключом энергии и инициативы. Совершенствовать стиль и методы работы в духе принципиальных указаний партии — это долг всех партийных и хозяйственных руководителей. Этого от них требует Центральный Комитет партии.

И поменьше, товарищи, парадности и шумихи, поменьше того, что В. И. Ленин называл «политической трескотней». Разговор с советскими людьми должен быть откровенным, серьезным, аргументированным. К этому призывает постановление Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Партийная пропаганда, партийная агитация должны быть максимально предметны, должны убедительно, со знанием дела отвечать на все вопросы, которые волнуют людей. И тогда партийное слово сможет переплавиться в трудовой энтузиазм, трудовые усилия десятков миллионов коммунистов и беспартийных.

В будущем году исполняется 110 лет со дня рождения В. И. Ленина. По этому поводу готовится постановление ЦК КПСС, в котором предусматривается ряд политически важных мероприятий. Их общий знаменатель — превратить 80-й год в год ударной работы, работы по-ленински. Именно на это следует нацелить все партийные комитеты, все полтора миллиона первичных партийных организаций и партийных групп, Советы, профсоюзы, комсомол. Прошедшие осенью отчетно-выборные собрания вновь показали, что партия готова к новым свершениям на благо народа. В этом — залог нашего неуклонного движения вперед, новых успехов и достижений».

Исходя из решений Пленума, постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», наша редакция в этом году вводит новые разделы и рубрики, новые темы. Новые рубрики:

БЮЛЛЕТЕНЬ ОТПИСЧИКА. В основу этой рубрики положено Ваше письмо фельетонисту. Мы будем конкретно называть фамилии тех людей, которые стараются переложить свою вину на плечи других.

ОТКЛИКИ И РЕПЛИКИ. Здесь мы имеем цель: живое общение с читателем. «Крокодил помог», «По тому же поводу», «Мой недолгий ящик», «Сигналы услышаны» — эти рубрики будут модернизированы, приближены к жизни, к письмам читателей.

РИСУНКИ ПО ПИСЬМАМ ЧИТАТЕЛЕЙ. Наиболее интересные темы, взятые из редакционной почты, будут комментировать наши художники.

Редакция в 1980 году объявит несколько конкурсов, в которых, надеемся, примут участие наши читатели.

Все это не означает, что журнал в этом году станет слишком серьезным. Будет все: и смех и слезы. Наряду с серьезными, проблемными материалами мы заказали писателям и смешные вещи.

И последнее. Теперь Вы можете обращаться непосредственно к тому фельетонисту, творчество которого Вам нравится. Учитывая пожелания читателей, мы будем подписываться теперь под передовыми.

КРОКОДИЛ

Абсолютный слух

Когда я сегодня слышу сетования на то, что у того мальчика или девочки нет абсолютного слуха, я невольно вспоминаю наших солдат-разведчиков. Я не знаю никого из них, кто бы имел какую-либо музыкальную подготовку, но у всех был идеальный, я бы сказал, даже изощренный слух. Как сверхчувствительными локаторами, они прослушивали своими ушами не только передний край, но и ближние тылы противника. Бывало, еще до получения объективных данных солдаты боевого охранения говорили нам — сменился, видно, фрицевский батальон.

И на вопрос о том, на каком основании сделано заключение, обычно следовал ответ:

— Ходят фрицы не так и говорят по-другому...

— Вы что, язык немецкий хорошо знаете?

— Нет, языка мы, конечно, кроме «халты» и «хенде хох», не очень, но то, что картавят нынешние не как прежние, это точно...

И действительно, на поверку солдаты оказывались правы. У противника произошла смена частей, и, скажем, вместо баварцев пришли тирольцы, и наоборот.

Сверхчуткий и избирательный слух в ходе войны вырабатывался у всех воинов. Он был нам необходим не только во фронтовые будни, но и во фронтовые праздники.

Одним из таких праздников была встреча с Клавдией Ивановой Шульженко. Она приехала к нам осенью сорок второго года со своим небольшим оркестром в лесной поселок южнее Ладоги. До передовой было, вероятно, не больше километра. И она, эта передовая, как всегда, «дышала» артиллерийско-минометными вздохами.

И вот концерт в просторном, очень длинном сенном сарае. Клавдия Ива-

Им. ЛЕВИН,
капитан,
бывший офицер разведки
2-й Ударной армии

Бирка

17 сентября 1941 года (дату я помню точно) нас, слушателей краткосрочных курсов военных переводчиков, обмундировали. Еще три месяца назад я был школьником и вот впервые в жизни надел шинель. Я — воин. Лихо надвинув пилотку на правую бровь, четко печатаю новенькими кирзовыми сапогами каждый шаг. Чувствую, как прохожие, улыбаясь, оглядывают меня. Кто знает, может быть, они принимают меня не за новобранца, а за воина, уже понюхавшего на фронте порох. Так тверже шаг и выше голову...

На землю меня спустил румяный старичок. Он подозвал меня и тихо, чуть ли не заговорщически, сказал: «Внучок, ты бы хоть бирку с шинели снял, а то как живой манекен несешься...»

Я посмотрел вниз и ужаснулся: чуть ли не по земле за мной волочилась огромнейшая, пришитая к низу шинели матерчатая бирка. Кажется, впервые я искренне пожалел, что нельзя мгновенно провалиться на месте.

Удивительная вещь — память. Прошло столько лет, а я до сих пор, краснея, вспоминаю и тихого румяного старичка и даже место, где он остановил меня, — на Сретенке, у табачного магазина.

Многие ныне известные сатирики — литераторы и художники — были участниками Великой Отечественной войны и успешно воевали с врагом, по слову поэта, «с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом». Так вот, в преддверии знаменательной даты — 35-летия Победы — Крокодил обратился к старожилам журнала и одновременно ветеранам войны с просьбой поведать читателям о наиболее памятных и, разумеется, курьезных — такова уж специфика нашего жанра — эпизодах из своей фронтовой биографии. Ведь всем известно — шутка на войне скрашивала и подчас нелегкий солдатский быт и тяжелый ратный труд. И вот что наши ветераны рассказывают.

— И дернул
меня черт
купить
жене
новые
сапожки!

Рисунок
Е. ШУКАЕВА

новна пела с импровизированной эстрады перед двумя или тремя тысячами солдат, что называется, до упора забывшими «зал».

Не было у нее и ее музыкантов ни микрофонов, ни усилителей, но как великолепно звучали все песни и прежде всего впервые услышанный «Синий платочек» (кстати, по воспоминаниям самой актрисы, премьера этой песни состоялась именно на Волховском фронте — не у нас ли в тот вечер?).

Я стоял где-то в самом конце «зала» и даже плохо различал лицо певицы, но зато слышал каждый звук, каждый, только ей одной дарованный полусшепот. И самое потрясающее, что даже этот полусшепот звучал для нас сильнее фронтовой «музыки». И если по старому изречению, когда говорят пушки, музы молчат, то в тот раз мы убедились в обратном: когда говорят музы, замолкают пушки. Во всяком случае, для тех, кого покорили музы.

Как-то на второй или третий день П. М. Синеокий поручил мне собрать в комендатуре большую группу домохозяев. Речь шла о размещении, хотя бы временном, двадцати тысяч беженцев, почти исключительно женщин, стариков и детей. Эти люди, сорванные со своих родных мест геббельсовской пропагандой о «зверствах русских», теперь не имели ни крыши над головой, ни куска хлеба. Вопрос с питанием еще можно было как-то решить в централизованном порядке, хотя бы с помощью полевых кухонь, которые немцы нежно

прозвали «гуляш-каноне» (гуляш-пушки). Но обеспечить всех жильем комендатура была не в состоянии.

— Ты их попробуй усюветить, — наставлял меня начальник, — скажи, что все-таки свои соотечественники, жертвы войны, расшевели их совесть и призови к человечности, гуманности. В общем, пусть немного потеснятся и не грабят своего же брата немца...

Я старался вовсю. Говорил о христианской морали, о любви к ближнему. Почему-то припомнил Ноев

ковчег, когда надо было спасать все живое.

Говорил долго и страстно. Слушали меня молча, не перебивая ни словом, ни вздохом. Когда же я спросил, есть ли вопросы, поднялся высокий, тощий бюргер и произнес: «Нам все ясно, герр гауптман. Только зачем вам было нужно тратить столько слов и времени на уговоры? Вы могли просто приказать».

И все, словно по команде, энергично закивали головами: «Яволь!»

Так на развалинах третьего рейха доцветал чертополох автоматизма.

Наступал 1943 год. Эту карикатуру я, тогда старший лейтенант, художник газеты «За Родину» 64-й армии, нарисовал в новогодний номер. Типажи и ситуации выдумывать не пришлось: ведь дело происходило в Сталинграде и замерзших, оборванных, торопливо сдающихся в плен «натурщиков» было хоть отбавляй.

Гонорар за этот рисунок буквально упал мне в руки. Пробывшийся сквозь зенитный огонь немецкий транспортный самолет сбросил контейнер с продовольствием в уже очищенный от гитлеровцев окоп.

«Подарок фюрера» пришелся кстати. В землянке мы накрыли новогодний стол и подняли кружки с «наркомовскими» ста граммами: — За победу!

Н. ЛИСОГОРСКИЙ

Ноев ковчег ни при чем

На рассвете 30 апреля 1945 года капитулировал перед нашими частями 2-й Ударной армии Грайфсвальд, городок на севере Германии.

Первым советским комендантом стал начальник разведки армии полковник П. М. Синеокий (впоследствии генерал-майор, почетный гражданин города). Все его подчиненные, в том числе и я, автоматически стали офицерами комендатуры.

Мы делали все от нас зависящее, чтобы ускорить процесс нормализации жизни города.

Герман ОГОРОДНИКОВ

РИСУНКИ ПО ПИСЬМАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

В 8-м номере «Крокодила» за прошлый год критиковались руководители Несвижского района Минской области. Как же они отреагировали на критику! Очень просто: в Несвиже этот номер журнала населению не продавался.

Н. ЯРОЦКИЙ, г. Несвиж.

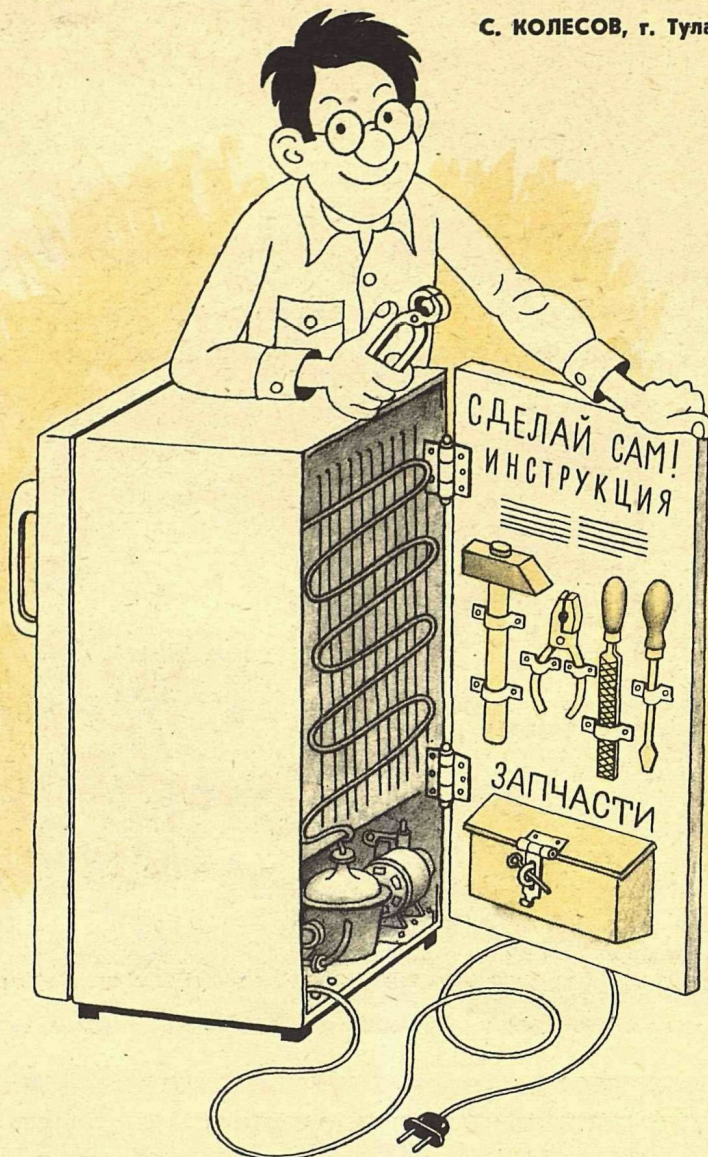

Ремонтники из мастерской «Вымпел» Тулоблыбтехники отказались чинить мой холодильник: надо ставить новое реле, которого у них нет.

Ушли. Что делать! Вспомнив школьный курс физики, я очертя голову вскрыл злополучное реле и попытался почистить контакты. Реле заработало. Холодильник исправен и по сей день.

Выходит, я — супермастер!

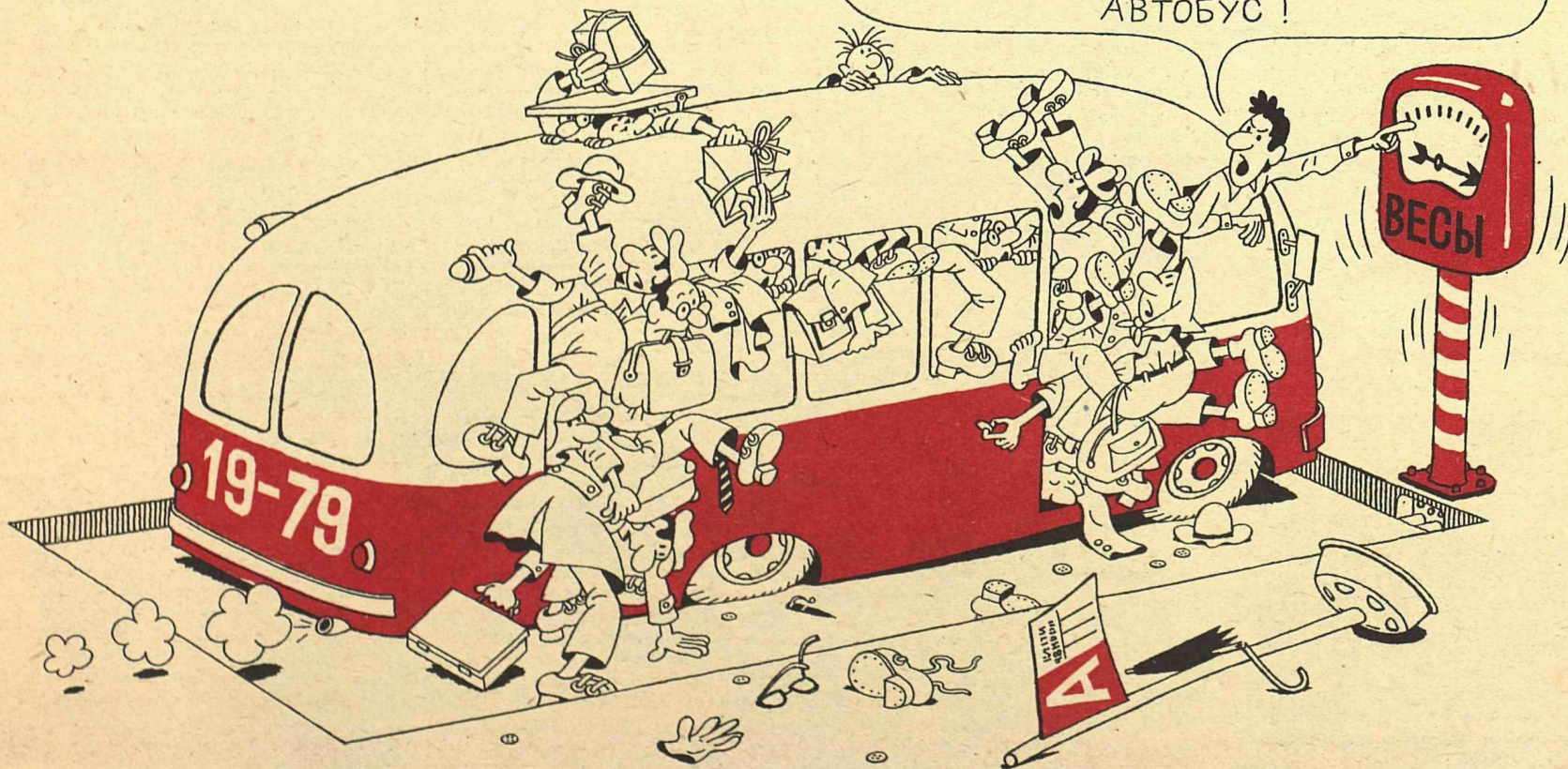
С. КОЛЕСОВ, г. Тула.

Внутригородской автобус № 59 ходит с часовым интервалом. Попасть в него практически невозможно.

В. ЖОЛНИРЧАК, г. Волгоград.

— ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ КИЛОГРАММОВ ПАССАЖИРОВ, ПРОШУ ОСВОБОДИТЬ АВТОБУС!

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

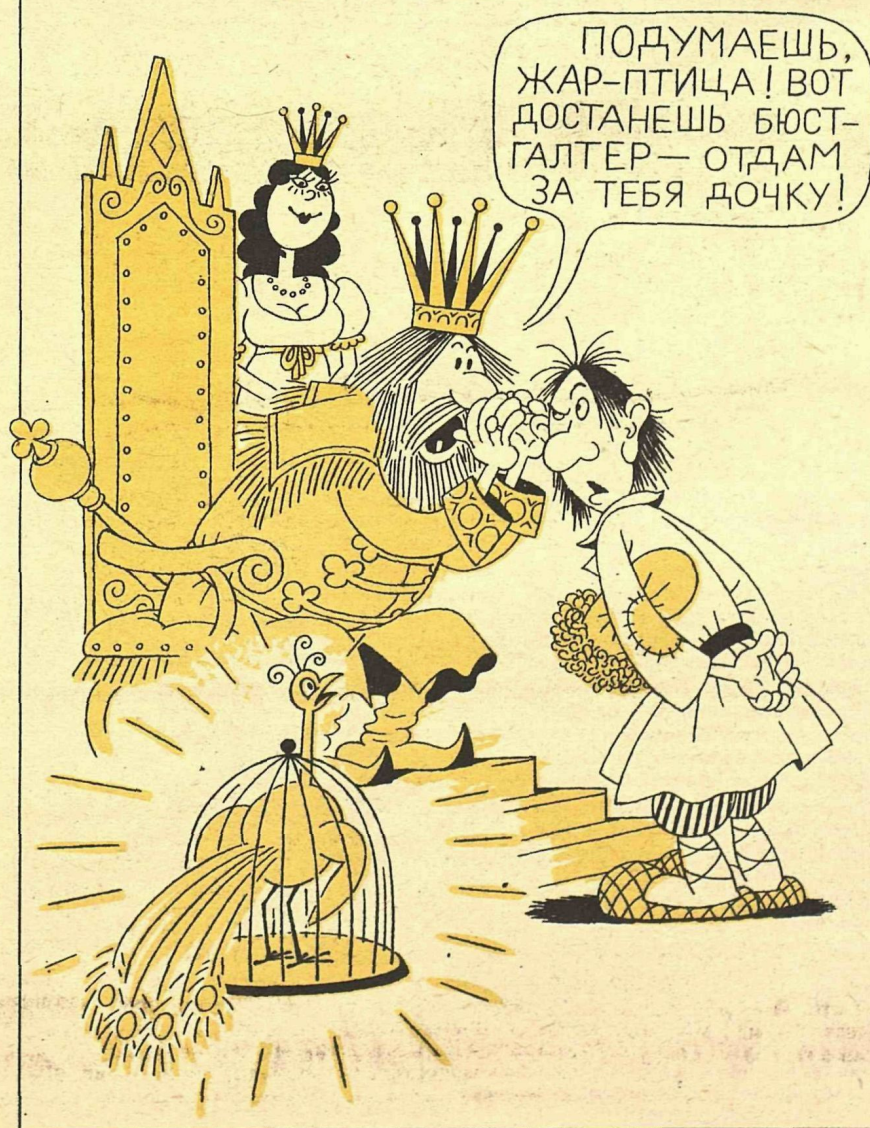
Мурманское бюро товарных экспертиз забраковало куртки Смоленского производственного швейного объединения «Восход». Кнопки на куртках не открываются и не закрываются. Вместо того чтобы признать брак, объединение рекомендовало при застегивании кнопки поворачивать по часовой стрелке, одновременно прижимая их. Интересный метод. Новый.

И. САФРОНОВА, г. Мурманск.

Бюстгалтеры в Барнауле можно достать только по блату или втридорога — с рук.

АНДРЕЕВА, СЕЛИХОВА, ЕФСТАФЬЕВА, г. Барнаул.

На днях звонит мне Юрка Гольский, мой школьный дружок, и зовет на вечер встречи бывших выпускников нашей школы. А я мнусь и ушаченно дышу в трубку. С одной стороны, меня тянет повстречаться с одноклассниками, а с другой — пугает встреча с учителями, которым я в свое время здорово досадил.

— Стоит ли будить в наших учителях печальные воспоминания? — нерешительно произнес я в трубку. Уговорил он все же меня. Купил я два десятка гвоздик и, прячась за Юркину спину, переступил школьный порог.

— Кто это с тобой, Юра? — приглядываясь ко мне, спросила директор Мария Трофимовна.

Борода, которую я отпустил в последние годы, скрыла мой острый подбородок и сделала меня неузнаваемым.

— Как, вы не узнаете Владика Баркова? — удивился Юрка.

Услышав мою фамилию, учителя настороженно выткнулись и, рассмотревшись в меня, бросились враспыну.

— Куда же вы? — закричал им Юрка вдогонку. — Не пугайтесь — он уже совсем тихий.

— Помнят еще Владика Баркова! — растрогался я. — Не забыли.

— Такие ученики не забываются, — с трудом выговорила Мария Трофимовна.

Я стал разворачивать находившийся в моих руках сверток, и Мария Трофимовна насторожилась.

— Напрасно беспокоитесь, Мария Трофимовна, — сказал я улыбаясь, — у меня здесь не пьяная кошка. Я уже давно не спаиваю их валерьянкой.

И протянул ей несколько гвоздик. Увидев цветы, учителя немного успокоились и снова подошли к нам. Я поздоровался с каждым по отдельности и раздал оставшиеся гвоздики.

Физик Александр Владимирович, приняв от меня цветы, долго вертел их, подозрительно изучая стебли, листья и полураспустившиеся бутоны.

— Невольно приходит на память один прискорбный случай, — объяснил Александр Владимирович. — Шестой «Б» преподнес мне ко дню рождения цветы. По-моему, это были тюльпаны. Так вот именно ты подложил в букет листья крапивы.

— Мне очень стыдно за эту проделку, — сказал я, покраснев. — Извините меня, Александр Владимирович, если можете.

— Тогда уж проси прощения и за муху, — вмешалась в разговор учительница географии Анна Петровна.

— За какую муху? — удивился я.

— За ту, которую ты, обмакнув в чернильницу, пустил летать по классу. Я хорошо помню, как эта муха испачкала меня чернилами.

— Что-то подобное припоминаю, — сказал я, еще больше краснея. — И, конечно же, прошу прощения. Эх, вернуть бы те годы! Я бы, приходя в школу, окунал всех мух во французские духи. Чтобы они разносили приятный запах.

— А как бы ты теперь поступил со скелетом? — поинтересовался учитель по физкультуре Сергей Яковлевич. — Вспомни, как ты перетащил его из биологического кабинета в спортзал и прицепил к шведской стенке, будто он карабкается на нее...

скромно потупившись. — Теперь, Сергей Яковлевич, я бы так не поступил. Приношу вам свои глубочайшие извинения. Готов также извиниться перед скелетом.

— Сделай одолжение: он стоит на прежнем месте, — сказал Сергей Яковлевич.

И вот, сопровождаемый своими бывшими учителями, я поднялся на второй этаж в кабинет биологии.

— Привет, дружище, — бодро поздоровался я со скелетом. — Это я, Владик Барков, который посадил тебя на шведскую стенку.

Тут послышался скрип суставов, левая рука скелета резко поднялась и хлопнула меня по плечу. Я истошно закричал и отшатнулся. Учителя тоже попятились.

— Кажется, я догадываюсь, в чем дело, — успокоил всех физик Александр Владимирович. Он бесстрашно приблизился к скелету, заглянул внутрь и даже присвистнул. — Фотоэлемент. Скорее всего, изобретение Норкина.

— Кто такой? — спросил я, оправившись от испуга.

— Твой достойный последователь, — объяснил Александр Владимирович. — Так сказать, эстафета поколений.

— Куда мне до него, — чуть ли не с завистью сказал я, разглядывая приспособление незнакомого последователя. — Это вам не муха в чернильнице.

Как бы в подтверждение моих слов скелет лягнул челюстью и шагнул вперед.

Биологический кабинет мгновенно опустел.

— Вечно
я должен
за тебя
краснеть!

Рисунок
Е. ЩЕГЛОВА

Ленинградское отделение издательства «Искусство» опубликовало в серии «Сегодня на сцене» две комедии Генриха Рябкина — «ТАКСИ В ТЕЧЕНИЕ ПОЛУЧАСА» и «ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ». Первая идет в двадцати театрах страны, вторая недавно начала свою сценическую жизнь.

Вышел в свет третий выпуск альбома карикатур «БЕЗ СЛОВ», подготовленный издательством «Советский художник». Среди авторов немало художников, которые постоянно сотрудничают в «Крокодиле».

Спросите-ка у Михаила Яновлева Воловика, что у него хобби, а что основная профессия?

Это будет не праздный вопрос. С одной стороны, заместитель главного инженера Уфимского моторостроительного завода, доцент, заслуженный рационализатор РСФСР, почетный член научно-технических обществ СССР, а с другой — поэт-сатирик, член Союза писателей, автор пятнадцати книг...

Теперь вышла шестнадцатая, и называется она «УЛЫБКИ ДРУЗЕЙ». Это не совсем обычная книга. В ней встретились под одной обложкой башкирские и украинские сатирики. А языковой барьер? Он был легко преодолен с помощью переводчика и составителя Михаила Воловика.

Павел ХМАРА

(К 50-летию
со дня рождения)

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА

Оптимистический монолог начинающего старика

На душе — и тоска и досада:
все действительно тает, как дым!
Я — вчерашний отличник детсада,
[я — вчерашний отличник детсада!],
я — вчерашний отличник детсада,
становлюсь, так сказать, пожилым.
Я немножечко старости трушу,
пью по праздникам больше сидра...
Мне волнуют красавицы душу,
[мне волнуют красавицы душу!],
мне волнуют красавицы душу,
уступая местечко в метро.
Но, пускай голова поседела,
я не стану проситься назад:
моя молодость мне надоела
[моя молодость мне надоела!]
моя молодость мне надоела
за мои вот уже пятьдесят.
Наша молодость, в сущности, — служба:
нужно бегать, ухаживать, плыть,
нужно в боги, в начальники нужно,

[нужно в боги, в начальники нужно!],
нужно в боги в начальники... нужно
в каждой бочке затычкой быть!
Пятьдесят мне сегодня пробило!
Жизнь пора, наконец, начинать:
раньше жить просто некогда было,
[раньше жить просто некогда было!],
раньше жить просто некогда было:
нужно было везде поспевать.
Старость — мудрый период мужчины,
не беда это и не вина.
Налетайте, склерозы, морщины,
[налетайте, склерозы, морщины!],
налетайте, склерозы, морщины
и сгибайся дугою, спина!
Правда, меньше, чем было, осталось,
ну да помнить об этом тщета...
Принимаю тебя, моя старость,
[принимаю тебя, моя старость!],
принимаю тебя моя старость
и «приветствую звоном счита!»

Петр Ребро — живущий в Запорожье лирический и сатирический поэт — автор более десяти книг фельетонов, басен, эпиграмм, юморесон, выходящих в библиотечках «Перца», «Крокодила». Недавно днепропетровское издательство «Промінь» опубликовало его новую книжку сатиры и юмора «ГОРЯЧАЯ ПРОКАТКА».

В Приволжском книжном издательстве (г. Саратов) вышел в свет сборник юмористических рассказов Игоря Седова «ВДВОЕМ С УЛЫБКОЙ».

Симпатичный «ПАНТЕОН КУРЬЕЗОВ» подарил читателям свердловский поэт Игорь Тарабукин. Это новая, одиннадцатая по счету, книга сатирика-поэта. Она состоит из нескольких разделов, причем это настоящая сатира — ядовитая и злая.

Под окном дорогу люди
Перерыли в пятый раз...
Никогда, друзья, не будет
Безработицы у нас!
Это эпиграмма из раздела «Хдетобильские усмешки».
Где этот город Хдетобильск? Точно неизвестно. Но «ежели кто крепким басом аукнет, то из Хдетобильска тут же отклик слышится. А то ведь есть такие отдаленные места, откуда отклика и не дождешься!»
Помимо этого раздела, в состав сборника вошли разделы «Семь чудес света», «Божественная комедия», «Ироническая экология» и другие столь же смешные, сколь и назидательные.

Ключок Бумаги

У Глотова заболела жена. Она будто бы мороженым обелась. Конечно, кашель и жар, и глазки самопроизвольно закатываются. Опасаясь худшего, Гловот заспешил в аптеку.

— Зря в кассе пробивали, — сказали ему там. — Нету горчичников.

— Что, с горчицей худо? Недорог?

— Худо с бумагой для горчичников!

Гловот поначалу опешил, но тут же помчался на почту, чтобы отбить телеграмму родичам, обретавшимся в ином городе, где, возможно, не было такой напряженки с горчичниками.

Он так и этак ладил фразы на телеграфном бланке, думая не напугать родичей и в то же время истребовать желаемое. Попытка не удалась, и Гловот потянулся было за свежим бланком, но милостивая девушка за барьером огля его взглядом, точно крапивой:

— Все, товарищ, все! Вы один бланк уже испортили! А они у нас на вес золота!..

Не будем томить остро переживающего читателя: Гловот поставил-таки супругу на ноги каким-то мощным народным средством: то ли чесночным компрессом, то ли припарками из тертого хрена. Суть не в том. Суть — в экстремальной ситуации, которая, увы, совсем не выдумана.

Не выдуманно, что в середине этого года Волгоградский завод — единственное предприятие в стране, изготавливающее горчичники, — был остановлен из-за отсутствия бумаги. Хотя нужна ему была сущая малость — каких-нибудь триста тонн в месяц.

Не выдуманно, что Окуловский комбинат в Новгородской области, снабжающий бланками почти все почты страны, с ноября 1978 года сократил свое производство на семьдесят процентов все по той же скорбной причине.

Но горчичники и бланки — это еще пустяки. Не знаем, как изворачиваются электротехники, но единственный комбинат, выпускающий изоляционную бумагу, — Марийский, тоже почти год трудится лишь на сорок процентов своей мощности. И опять же из-за нехватки сырья.

Газеты, слава богу, у нас выходят регулярно. А ведь не далее как в этом мае наш газетно-бумажный флагман, Балахнинский комбинат, три дня бездельничал вынужденно и впервые за всю свою историю завалил план. В день написания этого сочинения комбинат опять был на грани останова — нет древесины.

Интересное получается дело. Лес в отечестве вроде бы еще не весь извели, он еще растет. Растут и цифирьки в отчетах лесозаготовителей. А мощные ком-

бинаты, оснащенные современнойшей заграничной техникой, задыхаются и сбоят из-за отсутствия сырья.

— Наше дело: лес валить! — чеканит Минлеспром. — А куда он идет, пусть ответят снабженцы!

— Куда надо! — отзывается Госснаб. — А вот как он идет, поинтересуйтесь у транспортников!

И железнодорожников и речников уже публично секли за варварское отношение к «хлебу культуры» — бумаге. И поделом. Для миллиардов книг и журналов ежегодно, для миллионов газет ежедневно суммарная мощность наших бумажных комбинатов и так-то крайне мала. А они еще и работают вполсилы, и продукция их столь мучительно идет к заказчикам.

Понятно, что ощущается бумажный голод. А голод обязательно рождает мысли об экономии, бережливости. Ах, если бы они рождались чуть раньше!..

Рулон бумаги, мокнувший под дождем, рулон, проткнутый ломом грузчика, рулон, шмякнутый с платформы, — факты, бьющие в глаза. Но существует одна, так сказать, скрытая форма расточительства бумаги. О ней не вспоминают, хотя, по мнению специалистов-бумажников, она наносит ущерб куда более значительный, чем халатность транспортников и складских командиров.

Вот вам для наглядности такой житейский сюжетец.

А просит, к примеру, Окнов у Дубасова до получки четыре двенадцать. Ему изюму захотелось купить для сына.

— Что ж, дело хорошее, неплохо! — отвечает Дубасов. — Только чтобы ты эту сумму потом не зажал, черкну-ка мне, друг Окнов, расписку.

— С дорогой душой! — соглашается Окнов. — Но и ты, чтобы потом не отвертеться, дай мне расписку, что получил мою расписку.

— С превеликим удовольствием! — Дубасов уже сыплет на потную ладонь мелочь пополам с табачной трухой. — Но и ты сочини мне расписку, что я дал тебе расписку в получении твоей!..

Это, конечно, превеличение. Скорее всего Окнов с Дубасовым на пару выкупают тот изюм без всякой бумажной волокиты. Ну на худой конец кого-то третьим пригласят. Для компании.

Но разве не похожие пустые бумаги частенько вздувают папки наших учреждений и предприятий? Почему, спрашивается, запланированная поставка стального прутка точно обусловленной марки и профиля, как правило, сопровождается многотомной перепиской? Запросы, требования, напоминания, отношения, ответы на ответы!..

Нет, разумеется, без деловых бумаг нельзя. И не деловые бумаги выплескивают из берегов то море, которое не значится ни на одной карте и зовется Канцелярским. Это море состоит из толщи бумаг, возникших лишь для того, чтобы в следующий миг быть сло-

женными стопкой в шкафу и пылиться там веками до переезда или, упаси бог, пожара. И контора, создающая кальсонные пюгвицы, и убогая мастерская, клеящая пакетики для синьки, и фабрика учебных скелетов непременно ведут с десятками инстанций затяжную эпистолярную дуэль.

А запрети сегодня перекидываться лишними бумажками, завтра, может, каждый поставил бы на свою полированную полку рядом с прессованным хрусталем Полного Александра Сергеевича Пушкина!

Главный бухгалтер Красноярского объединения молочной промышленности В. А. Наумов прислал нам пухлую бандероль и очень замечательное письмо:

В последнее время пресса часто пишет, что стране не хватает бумаги. Я лично не верю. Зачем молочной промышленности преysкуранты винно-водочной, химической, лесной промышленности? А нам московская межобластная база материально-технического снабжения «Росглавмясомолснаб» высылает их пачками. Мы же сдаем их на «Королеву Марго». План по макулатуре перевыполнили. Направляю вам сотую часть ненужных нам преysкурантов.

Так мы узнали, почему нынче негранулированный соевый шрот, обогащенный липидами, сколько стоит тонна армированного паронита и бутылка горькой настойки «Костромская брусничная». Приятно, конечно, расширить свой кругозор, только дух захватывает, когда тщишься подсчитать, сколько тысяч печатных листов так легко и бесполезно растрчивает Госкомцен СССР.

Нынче качеству у нас придается первостепенное значение. Но любому ясно, что нет решительно никакой связи между качеством вещи и той устрашающей дерматиновой папкой, в которой собраны бумаги для аттестации качества. Листов в такой папке бывает до полусотни, вне зависимости от того, что подвергается оценке: поваренная соль или турбина, спичка или лазер, клизма или электронный микроскоп. В каждом глажке подписывают в год тонн десять таких бумаг. Госснаб эти дополнительные горы канцелярщины не учитывает. Госплан бумагу на них не планирует. А Госстандарт требует. Значит, эти Эвересты бумаги надо откуда-то брать. И, что самое удивительное, на это бумага где-то находится!..

Даже не беря на себя непосильный труд суммировать множество подобных фактов в общегосударственном масштабе, мы с суровой ясностью постигаем, что в защиту бумаги сказаны пока еще не все слова.

На изготовление бумаги мы тратим в год сорок пять миллионов кубов древесины. Это почти пятьсот тысяч гектаров леса. И потому не следует ли каждого, кто не бережет бумагу, приравнять к поджигателю, устроившему лесной пожар, и заставить его отвечать по всей строгости нашего Закона?

В заключение Крокодил спрашивает всех руководителей министерств, ведомств, учреждений и предприятий:

Сколько бумаги уходит у вас на так называемую деловую переписку и всевозможную документацию, которая вам представляется необязательной?

Какую часть «деловых бумаг» можно было бы безболезненно исключить из практики вашей работы?

Какие средства современной оргтехники

помогли бы изжить бумажную волокиту?

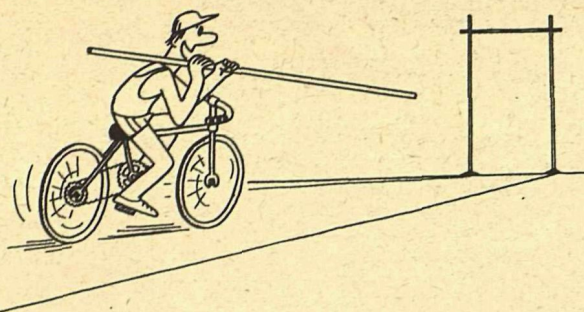

Рисунок В. ВЛАДОВА

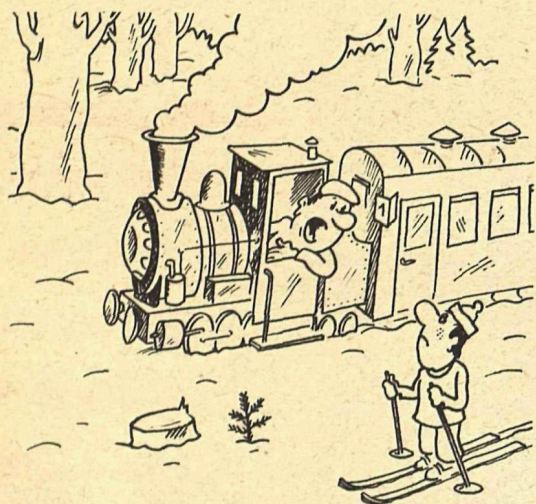

Рисунок С. АШМАРИНА,
г. Свердловск.

— Тс-ц! Не стучи, дорогая, разбудишь реб...

Рисунок А...

— Скажите, как проехать на станцию?

Рисунок В. МИЛЕЙКО, г. Ленинград.

— Анечка, ты не видела ошейник Рекса?

Рисунок С. СПАСКОГО.

КРОКОДИЛ

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

— П...

Рисунок...

Андрей НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

СЛАДОСТНЫЙ МИРАЖ

Можно только удивляться, до чего мы иной раз категорически судим о вещах. Уж так привыкли рубить с плеча, будто видим только две краски: черную и белую. А после такой категоричности начинаем жаловаться на стрессы и нервное истощение.

Вот у меня есть в редакциях знакомые, которые одной из причин названных болезней считают отписки. Они к ним относятся прямо с какой-то звериной ненавистью. И тем самым подрывают свое драгоценное здоровье.

Я, конечно, отписки тоже хвалить не собираюсь. Тем более, все огулом. Но отписка развелось так много, что пора их выделить в специальный литературный жанр. А коли так, значит, в нем могут быть свои удаи и неудачи. А попадают, между прочим, даже шедевры, как и в любом жанре.

Вот один из них. Но надо рассказать предысторию. Началось с того, что в № 15 «Крокодила» за прошлый год был помещен фельетон С. Спасского под заголовком «Нехороший ты, дедушка». В нем красочно описывались мытарства пассажиров в некоторых поездах: тут и холод в вагонах, и отсутствие воды, и мат проводников, и опоздание поездов, и неточная информация...

Ну, конечно, Министерство путей сообщения реагирует. И вот ответ члена коллегии МПС тов. Шовского: «Факты имели место... МПС совместно с руководством дорог принимало оперативные меры

к устранению... наведению порядка... улучшению...» и т. д.

А вот что получили конкретные виновники:

«На Московской железной дороге за плохую воспитательную работу в бригадах проводников... освобожден от работы начальник отдела кадров дирекции тов. Гайсенко».

Попался, голубчик!

Как вы видите, ответ выглядел весьма солидно и даже поучительно. Но, увы, в скором времени в редакцию написал обиженный Михаил Данилович Гайсенко и прислал приказ по Московской железной дороге, из которого следовало, что никто его не увольнял, а освобожден он «в связи с переходом на пенсию по возрасту, согласно личной просьбе».

Более того: «Отмечая долголетнюю и добросовестную работу на железнодорожном транспорте, объявить тов. Гайсенку М. Д. благодарность и премировать его в размере месячного оклада. Премию выплатить из фонда материального поощрения дороги».

Вот тебе и на! А уже миллионы наших читателей из заметки «Крокодил помог» узнали, что на Московской железной дороге порядки строгие и нарушения порядков пресекается незамедлительно.

Вот я и говорю, что отписки нельзя хаять вот так безоговорочно и огульно. Все-таки лучшие из них выполняют свою функцию и создают видимость некой

деятельности во имя справедливости. Они создают этаким сладким мираж, который заставляет думать, что действительность состоит не только из черной и белой красок.

Исследуя жанр отписок глубже, я хотел бы остановиться на одном из излюбленных их авторами слов. Это слово — «УКАЗАТЬ», и его по справедливости надо набирать прописным шрифтом. Оно встречается в отписках чаще любого, и без него отписки потеряли бы всю свою прелесть. Они превратились бы в самый обыкновенный бюрократический документ о взыскании или об увольнении, то есть в то, что хотелось бы «выгрызть волком». А одно-единственное слово придает изящество, легкость и строго сохраняет стиль. Главное же — это слово можно прилепить к чему угодно.

Заместитель председателя Новокузнецкого райисполкома Кемеровской области М. Е. Есипов попал в сложные условия. С одной стороны, он возглавляет районную комиссию по борьбе с пьянством, с другой — курирует местные торговые предприятия. Когда у тов. Есипова берет верх первое начало, то в районе алкоголизму наступает конец, когда второе — в столовых продаются в розлив вино и водка. (Например, в поселке Кузнецово.)

В результате, сообщил заместитель председателя Кемеровского облисполкома Г. В. Корницкий, тов. Есипову на эту непоследовательность УКАЗАТЬ.

Два месяца понадобилось семье Буровых, живущих в Дмитровграде Ульяновской области, чтобы получить справку с места жительства. А все потому, что Дмитровградский горисполком поручил выдавать такие документы не домоуправлению, как обычно, а бюро технической инвентаризации. А уж там сидят люди дотошные, они для получения этой справки потребовали справки о рождении, справки о браках, справки о... и т. д. Об этом говорилось

Крокодил помог

«Косят трын-траву»
(№ 28, 1979 г.)

В этом фельетоне В. Канаева говорилось о неудовлетворительной заготовке зеленых кормов в хозяйствах Новгородской области.

Секретарь Новгородского обкома КПСС тов. Г. Бундзен сообщил в редакцию, что фельетон обсужден на совещании секретарей горкомов и райкомов партии, председателей горисполкомов и райисполкомов и руководителей сельхозорганов. На уборку трав было направлено свыше семнадцати тысяч городских жителей, в работу было включено дополнительно пятьсот тракторных носилок. В результате принятых мер хозяйства области впервые выкосили все сеяные и естественные травы, убрали вторые укосы многолетних трав.

«Богатырь на распутье»
(№ 27, 1979 г.)

Богатырем в этом фельетоне автор Ю. Борин назвал урожай. И речь он повел о сохранности зерна при его транспортировке, о том, что вагоны под урожай подаются в недостаточном количестве, плохо подготовленные и без хлебных щитов.

Получен ответ от заместителя министра путей сообщения тов. Н. Конарева. Фельетон рассмотрен в министерстве, и для более успешного вывоза зерна из районов Казахстана, Алтая и Оренбуржья приняты дополнительные организационно-технические меры. Из общего парка вагонов отобрано и подготовлено для перевозки зерна пятьдесят тысяч крытых вагонов с нанесением на них трафарета «Хлебный». Железным дорогам установлен повышенный план деповского и текущего ремонта крытых вагонов. В Казахстан направлено дополнительно пятьсот вагонов-зерновозов, сформированы новые зерновые маршруты. Улучшена работа пунктов подготовки вагонов на хлебопогрузочных дорогах, налажено их снабжение материалами и запасными частями для ремонта вагонов, на пункты Целинной и Южно-Уральской ж. д. командировано 450 человек — столяров, сварщиков, составителей поездов, приемосдатчиков грузов. Приняты также дополнительные меры по изготовлению хлебных щитов на заводах МПС. Созданы оперативные группы для круглосуточного контроля за использованием хлебных щитов.

За неудовлетворительную организацию и принятие необходимых мер по отгрузке зерна со станций Ашелисайская, Кимперсай и Союзная министром объявлен строгий выговор начальнику Орского отделения Южно-Уральской ж. д. М. Кокуркину. Теперь объем перевозок хлеба из районов, о которых говорилось в фельетоне, значительно возрос.

Хотя официальные ответы тт. Бундзена и Конарева и соседствуют с фельетоном об отписках, они на таковые, как видите, не похожи.

в заметке «Ох, уж эти справки», «Крокодил» № 20, 1979 г.

В результате, сообщил председатель исполкома Дмитровградского горсовета народных депутатов А. Ефанов, заместителю председателя исполкома Н. Гусарову и начальнику БТИ Л. Гливе за допущенную волокиту при выдаче справок **УКАЗАНО**.

Возьмем заметку «Задача для взрослых», опубликованную в № 19 за 1979 г.

Администрация школы № 5 в городе Коркино, Челябинской области, не обеспечила вовремя учебным оборудованием учащихся младших классов. (В частности палочками для арифметического счета.) Вышли из положения очень изобретательно: каждый малыш должен был принести в класс по 1000 спичек. Создавая тем самым «огнеопасную обстановку».

Как сообщил редакции заместитель заведующего Челябинским отделом народного образования С. Репин, директору коркинской школы № 5 Н. Ишимбаевой **УКАЗАНО**.

Мы, конечно, не требуем, чтобы виновных отправляли на эшафот. Дело не в этом. Мы обращаем внимание авторов ответов в редакцию не только на

Вроде бы хорошо. Затем, пишет тов. А. Иваницкий, принято решение обеспечить действенный контроль за работой среднего и младшего медицинского персонала. И это прекрасно. Правда, тут не расшифровано, что это будет за контроль и чем он окажется действенным. Но ладно, не будем придираться, мо-

— После закладки первого камня прошу не расходитьсЯ: заодно отметим сдачу данного объекта.

Рисунок
Е. ГУРОВА.

некоторую затасканность слова «указать», а на то, что за ним стоит.

Вот, к примеру, в фельетоне-передающей под таким многозначительным названием, как «Люди и песни» (№ 22 за 1979 год), говорилось о случаях невнимательного, а подчас и бездушного отношения, которое стало привычным в ряде лечебных учреждений города Ульяновска. В частности говорилось там о завожской поликлинике. В тамошней регистратуре обращаются с пожилыми людьми грубо, резко, а то и отмахиваются от них, как от назойливых мух. Медицинские сестры, которые вроде бы должны, согласно званию своему, по-сестрински сочувствовать горестям пациентов, разговаривают с ними, словно великое одолжение оказывают, а процедуры делают спустя рукава медицинского халата...

Словом, неприятно все это и обидно. Ну, а как на обиды эти человеческие отреагировали местные руководители? Заглянем в ответ, который прислал в редакцию председатель исполкома Ульяновского городского Совета народных депутатов тов. А. Иваницкий. Он сообщает, что фельетон был обсужден на совещании руководителей лечебных учреждений.

жет, это врачебная тайна. Но вот что же сделали с прямыми виновниками всех этих неприятных коллизий? Наверное, ничего, во всяком случае, в ответе об этом ни словечка. Впрочем, нет, главному врачу тов. Ф. Хаметову все-таки указано. Указано, понимаете ли, на слабую воспитательную работу с коллективом. Тут, понимаете, грубость, хамство, пренебрежение обязанностями, и после всего этого — **УКАЗАТЬ**. Вроде бы меры приняты, санкции вынесены — все теперь будет в идеальном порядке. Очень как-то сомнительно, что все будет в ажуре, если непосредственных, так сказать, исполнителей пощадили, а их начальника пожурили этак легко и либерально.

...На этом позвольте закончить заметки по поводу отписок и ласковых наказаний типа «указать». Может, кто из авторов отписок и пришлет мне ругательное письмо. Я не обижусь. Как человек, разбирающийся в отписках, я пошлю такой ответ: «Настоящим подтверждаю получение Вашего письма, искренне благодарю за указание».

Племя отписчиков всегда волновало воображение Крокодила, и мы вовсе не намерены закрыть эту тему обзором А. Никольского. Наоборот, в следующем номере вы сможете прочесть «БЮЛЛЕТЕНЬ ОТПИСЧИКА», который будет регулярно появляться на наших страницах.

ЩЕ МАЛО ОЦЕНЕННОГО ЖАНРА ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ!!!

Международные контакты

Стой, кто плавает?!

Случилось то, чего никто не предвидел.

— Ну, ладно,—говорили австралийские жители.— Отчего возник дефицит бензина — это мы понимаем. Отчего имеется нехватка гарантий неприкосновенности личности — это нам тоже ясно. Но отчего вдруг возник в магазинах дефицит велосипедных цепей — этого мы не понимаем никак.

И только жизнь внесла ясность в смутный вопрос: впервые на австралийском континенте, одетые в белые балахоны и капюшоны, к

центру Сиднея протопали орды погромщиков с горящими крестами Ку-Клукс-Клана. И в центре города вождь австралийского Ку-Клукс-Клана (конечно, бывший офицер полиции) Дэвид Дженнингс огласил трехтысячному братству задачи:

— Наш долг — следить, чтобы абориген не высовывал носа за пределы отведенных для него резерваций. Наш долг — измолотить велосипедными цепями иммигрантов из Азии, что высаживаются на наш берег. Наша святая обязанность — подпустить крас-

ного петуха каждому принимающему, кто осмелится на работу принять азиата. Наш долг — патрулировать берега Австралии, отрубая попытки азиатов высаживаться на берег. Если, братья, ваши мотоциклы и плавсредства в порядке — за дело! Ночь спит все!

И уже отмечается, что ночами от берегов Австралии шарахаются как дельфины, так и китообразные. Потому что мотоциклист сначала палит в плавающий предмет, а потом уже любопытствует, какой у него разрез глаз...

Классная борьба

Просвещение фонарем под глазом

Поднявшись на ступени начальной школы, учитель математики Эптон Льюис украдкой оглянулся. «Слава богу!» — благодарственно прошептал он и осенил себя крестным знаменем. Ученики его 2-го класса маячили еще в самом конце авеню. А это значило, что ни один из них, даже самый шустрый, не сможет с такого расстояния пнуть ему в спину кирпичом. Впрочем, учителя не так-то просто застать врасплох. Как-ни-

как, двадцатилетний стаж дает себя знать.

Мистер Льюис проскальзывает в учительскую и здесь окончательно проверяет свою готовность к уроку, поправляет металлические нагрудники и набедронники, сует руку за пазуху — граната со слезоточивым газом на месте.

— Кажется, все в порядке, — утирает со лба пот многоопытный математик и, крадучись, подбирается к своему классу.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы не беремся со стопроцентной точностью утверждать, что все американские учителя готовят себя к уроку именно таким образом, но, судя по недавнему сообщению в «Вашингтон пост», подобные меры не лишены здравого смысла. Вот что мы там прочли: «По опубликованным данным, в течение 1978 — 1979 гг. в начальных и средних школах США зарегистрировано 110 000 нападения учащихся на учителей. Это значит, что жертвами преступных выходов учеников стал каждый четвертый американский учитель»

Происшествия

Расплата

Мистер Мак-Кей, издатель провинциальной американской газеты «Лимур Адвенс», был задержан полицейскими за то, что вел

машину в пьяном виде, и предстал перед судом. Узнав, кем является подсудимый, судья вынес необычный приговор: пья-

ница редактор обязывался в ближайшее же время написать три статьи о вреде алкоголизма и опубликовать их в своей газете.

Игорь
МАРТЬЯНОВ

Туалетное равноправие

Себя прославил Бота
Введением новшеств
смелых.

Видна его забота
О гражданах небелых.
Всех убедил он в этом
Не праздной речью
в зале,

А общим туалетом
На аэровокзале.
Сюда за нужным делом
Спешит народ
проворный.

И может рядом с белым
Здесь оказаться черный.
Как не гордиться Ботой,
Трудом его заметным,
Его большой заботой
О равенстве клозетном!

Махрово-расистские правители ЮАР прибегают к анекдотическим маневрам, сляясь создать у мировой общественности впечатление, будто ЮАР движется к «равноправию рас». Так, по распоряжению премьер-министра ЮАР Питера Боты в здании аэровокзала международного аэропорта с дверей туалетов сняты таблички «Для белых» и «Для небелых». Кроме того, сняты таблички на скамейках в парках.

— Теперь мы сидим с чернокожими рядом.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Пентагон готовится преподнести европейским союзникам по НАТО очередной злоедей «подарок» — перспективу размещения в Западной Европе химического оружия.

Санта-Клаус для Западной Европы.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Информация про инфляцию

Куда ни кинь...

Господин Шульце, житель города Бонна, включил радио и, услышав начало передачи, горестно всплеснул руками: цены на бензин подскочили на семь процентов!

— Дум тойфель! К черту! — воскликнул герр Шульце. — Ставлю автомобиль на колодки и буду ходить пешком!.. Так, послушаем, что передадут дальше...

И тут герра Шульце чуть не хватил удар. Радио сообщило, что цены на обувь в ФРГ увеличиваются с этого же дня на двадцать процентов!..

Вниманию психиатров

В два раза

Бельгийский генерал Клоз, еще недавно утверждавший, будто советские танки в случае военного конфликта пройдут всю Европу за 48 часов, теперь сократил это время до 24 часов.

У вояки нет покоя:
Мир стращать — его удел.
Подскочила скорость
вдвое!
Нет, он вдвое поглупел!

Н. ЭНТЕЛИС.

Спорт

Учитывая мировые достижения

Как далеко можно бросить куриное яйцо? Этот вопрос приобрел сейчас политическое значение. Международные соревнования по метанию яиц, которые проводятся ежегодно на одном из пляжей Западной Европы, позволили выявить чемпионов в этом новом виде спорта. Максимальная дистанция, на которую удалось запустить куриное яйцо, составляет 38 метров. Пока это мировой рекорд.

По-видимому, результаты яичных олимпиад точно учел Франц Йозеф Штраус, лидер самой ре-

акционной в ФРГ партии ХСС, возмевший острое желание стать канцлером. Выступая перед избирателями в промышленных районах, Штраус предусмотрительно требует, чтобы между ним и участниками избирательных митингов выдерживалась дистанция в 40 метров. Не меньше!

Потому что уже были печальные прецеденты. Когда Штраус пламенно распространялся о своей любви к горнякам Рура, молодые рабочие забросали его тухлыми яйцами.

Инцидент с мухой

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Вот и сына на ноги поставили.
Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

На юбилейный вечер нашего производственного объединения мне дали билет в президиум, и я был бесконечно рад.

Пришел, спокойно переждал, пока давка у входа прекратилась и самые пронирыливые, отталкивая друг друга, устремились к гардеробу, предъявив свой пригласительный контролеру и чуть небрежно спросил:

— Скажите, пожалуйста, как пройти в президиум?

— Налево, вверх — и направо. Потом еще чуть вверх и опять — направо, — быстро и очень вежливо объяснила мне неприступно строгая до этого женщина. Она даже приостановила поток входящих, обернулась и указала, где именно та первая дверь налево. Я поблагодарил и пошел дальше. Вокруг меня образовалась почтительная пустота: передние уже успели уйти, а задние были задержаны контролером. О, удивительное ощущение этой пустоты!

Иду, поднимаюсь не спеша: думаю, неловко первому являться. Иду, и с каждым подъемом становится все легче и торжественнее на душе. Только чуть-чуть оторопь одолевает.

Открыв дверь в комнату для президиума, я остолбенел: здесь, оказывается, уже было полно народу. Одни, скучая, ходили по кругу, другие большими или малыми группами стояли там и сям, о чем-то разговаривали, улыбались непринужденно. Но когда я вошел, мне показалось, что все они обернулись ко мне. Несколько секунд я был в растерянности, не зная, куда идти и что делать. Ближе всех ко мне в сторонке стоял столик с прохладительными напитками — лимонадом, пивом, минеральной водой. Будто измученный жаждой, я решительно направился к этому столику. Хотел было наброситься на пиво, но вовремя сдержал себя и открыл бутылку боржоми. Налил в бокал и пока пил, глазами косил на публику, изучал, как люди себя ведут, чтобы и самому войти в этот ритм. И тут я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Оглянулся и увидел давнего своего недруга Косорылова: смотрит он на меня зло, неприязненно, будто я у него бутерброд с икрой из рук вырвал. И в то же время вижу, сомневается: я ли это в самом деле, или ему показалось. Чтобы он не сомневался, я кивнул ему и направился к самому Никону Никоновичу.

— Здравствуйте, — говорю громко, — Никон Никонович!

Тот обернулся, протянул мне руку, улыбнулся приветливо, даже спросил, как жизнь, будто давно и хорошо меня знал, я ответил: «Все отлично!» — и пошел дальше, кивая одним и улыбаясь другим. А как же иначе? Надо было делать вид, будто я здесь по полному праву и не моя, мол, вина, что вы меня не знаете.

Вскоре стали собираться в плотную кучу у выхода на сцену. Посматривали на часы, распорядитель звал кого-то пройти вперед. Пристроился и я к толпе с левой стороны. По сигналу «Пошли!» все стали подниматься по ступенькам. На сцене, путаясь в пыльных кулисах, устремились кто вправо, кто влево.

Для президиума было приготовлено шесть рядов стульев. Я хотел было идти в шестой ряд, но тут же раздумал: кто меня там увидит, тем более вижу, что я вполне успею еще занять место в первом. Нет, в пер-

вый — это слишком, пойду во второй. И пошел. Смотрю, все начальство идет мне навстречу, с правой стороны заходит, а с нашей, с левой, из начальства никого нет, тут оказался, видать, народ — все новички, стесняются: кто полез в последний ряд, кто вслед за мной — во второй.

И так получилось, что когда Никон Никонович остановился в центре у микрофона, слева от него до самого конца весь первый ряд оказался пустым. Аплодируя, он оглянулся на пустые места, потом на наш ряд и жестом пригласил занять места у стола. Я тут же отодвинул стул и встал рядом с ним. Но не совсем рядом, а из такта оставил между нами один свободный стул. Очень быстро и другие стулья влево от меня были заняты.

Поаплодировали, сели. Началось собрание. Я сижу, не дышу: боже мой, наконец-то удостоился, вот он я, в первом ряду, чуть ли не локтем касаюсь самого Никона Никоновича! Вот только с руками не знаю, что делать: то на стул их положу, то под стол опущу... Посмотрел на других — как они? Вижу: чертиков рисуют. Не долго думая, и я подвинул листок бумаги, достал ручку и стал рисовать рожицы.

И вдруг откуда ни возьмись — муха. Села на руку, нахально потеряла лапками, будто у себя дома, пробежалась взад-вперед. Я незаметно согнал ее, она опять на то же место. Сладко ей там, что ли? Согнал, она покружила вокруг носа и села мне на лоб. Бить ее на лбу неудобно перед всем залом, и я изо всех сил старался согнать ее движением кожи. И так морщил лоб и эдак, а она будто прилипла. А тут, вижу, фотографии направляют объективы на Никона Никоновича. Делать нечего, поднял руку, спугнул нахалку, но руку не убрал, а так и остался сидеть, будто задумался о чем-то важном. А муха тем временем села на бумагу и стала рассматривать мои рисунки. На одной рожице оставила точку как раз на носу, потом взлетела и опять ко мне.

— И откуда ты тут взялась? — возмущился я.

— А ты? — приподняла она свою круглую голову.

— Я по праву здесь! Я достоин...

— «По праву!» «Достоин!» — передразнила меня муха и усмехнулась. — Видела я твоё достоинство: пер сюда затаив дыхание, локтями работал, чтобы только поближе место занять.

— Неправда, я не работал локтями!

— Работал. Вид только делал, что не работал, а сам так и орудовал ими.

— Клевела! Ты завидуешь мне, жалкая назойливая муха.

— Чему завидовать! — приподняла она крылышки. — Это ты мне позавидуй. Я вольная птица, живу здесь, присутствую на всех собраниях, на всех концертах. Кто только не перебывал здесь! И я со всеми на «ты». Меня все уважают, все сгоняют с себя деликатно, незаметно.

— Хвастунишка! Какая ты птица, ты просто муха, назойливая муха. Тебя каждый с удовольствием прихлопнул бы, если бы это не было на виду у всего зала.

— А вот и нет! Хочешь, на зависть тебе я сейчас на самого Никона сяду? Ты даже сесть близко побоялся, один стул пустым оставил, а я ничего не боюсь. Смотри! — Она снялась

и полетела к Никону Никоновичу. Опустилась ему на руку, он дернул нервно пальцами, муха пересела на другую, потом на лоб ему, на нос. Со лба Никон Никонович согнал ее легко, у него кожа на лбу подвижная, а вот с носа, вижу, никак ее не спугнет. Он и так и сяк носом, а она ни в какую. Побагровел весь, губу нижнюю оттопырил, дует, струю воздуха направляет на нос, а муха только крылышки распустила, будто купается в прохладной струе. Наконец, он не выдержал, смахнул ее рукой. Муха снялась и снова спланировала на мой лист.

— Ну, видал? Завидуешь?

— Чему?!

— Не делай вид, не делай! «Чему!» Хотел бы быть на моем месте и вернуться на носу у самого Никона?

— Нет, не хотел бы: быть в такой близости опасно, может прихлопнуть.

— Философ! Вот и выходит, что мое положение лучше твоего: я могу себе позволить быть в любой близости к любому человеку. — Муха снова перелетела на Никона Никоновича. И так донимала его, что мне даже жаль его стало. Она бегала у него по лбу, по щекам, по подбородку, лезла в нос, садилась на ресницы. Измучила бедного так, что он взопредел даже. «Ну, — думаю, — при первом же удобном случае прихлопну я

тебя, проклятая муха! Спасу Никона Никоновича». И стал пристально следить за мухой. Вот наконец она села ему на левый рукав, я изготовился, сделал ладонь корытцем — раз, одно мгновение — и муха у меня в кулаке.

По залу прошло какое-то оживление, но я не обратил на это внимание, главное, муха в кулаке. Жужжит, вырывается:

— Пусти! Слышишь, отпусти!

И Никон Никонович шепчет:

— Вы что делаете?

— Муху поймал, Никон Никонович! — радостно сообщил я ему. — Вот она! Не будет больше вам надоедать.

— Дурррак!..

— Дурак, отпусти! — не унималась муха. — Отпусти, подхалим несчастный!

Обескураженный, я разжал кулак, и муха медленно вылетела на волю, покружила, покружила и опустилась Никону Никоновичу на лист бумаги, принялась расправлять слегка помятые крылышки. Никон Никонович отвел от нее глаза, стал слушать оратора.

После торжественной части, как и все, я ушел домой, будто концерт мне был неинтересен.

Пригласительные билеты на юбилейные вечера я больше не получал.

ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ ТОГО, КАК РАССКАЗ БЫЛ СВЕРСТАН

— Могу я взять у вас небольшое интервью! — робко спросил я, входя в кабинет Михаила Макаровича Колосова.

— Возьмите, — отвечает М. М., — если небольшое.

Вообще М. М. выглядит очень представительно: помимо галстука, на нем рубашка, костюм, ботинки, носки, часы — это все, что мне удалось рассмотреть. Он больше похож на серьезного прозаика, чем на легкомысленного сатирика, поэтому я задаю еще один вопрос прямо в лоб:

— А еще что-нибудь вы создаете в промежутках между написанием юмористических рассказов.

— В промежутках пишу серьезные рассказы, повести, очерки...

— И много у вас накопилось такой крутой прозы?

— Крутой прозы у меня накопилось более десяти книг, вышедших в различных издательствах.

— Так что же у вас хобби — сатира или серьезная проза?

— У меня нет хобби. Я считаю, что к сатире надо подходить с мерками серьезной прозы.

— Странно... Многие считают, что юмористическую литературу можно создавать как угодно, хоть левой ногой. Я вспоминаю, что Эйнштейн в промежутках между созданием теории относительности играл на скрипке, Лев Толстой пахал, Дюма-отец возился на кухне.

— Я в промежутках люблю иногда разобраться в теории относительности Эйнштейна, читаю Льва Толстого и ем то, что жена приготовит на кухне.

— И последний вопрос: считаете ли вы, что сегодняшние сатирики недостаточно бичуют, юмористы не смешат на все 100%, комедиографы недодают определенного количества смеха на душу населения, в кино не хватает комедий?

— Считаю.

Я благодарю за интервью. Мы тепло прощаемся и, судя по лукавой улыбке М. М., он ждет не дожидается моего ухода, чтобы сесть за новый роман, повесть, очерк или сатирический рассказ.

Интервьюировал Вл. ВЛАДИН.

Рисунок В. МОХОВА

ПАРОДИЯ НА ПАРОДИСТА

Лев САМОЙЛОВ

НЕ...

Не желчный, не злой по природе,
Не ястреб совсем, не орел,
Среди эпиграмм и пародий
Я странную радость обрел.
Видал я, как водится, виды
И все же сатиру люблю!
Увы, не рубли, а обиды
Писателей наших коплю...

Александр ИВАНОВ

О Байроне и о матерях важных

В одном из номеров газета «Советская культура» опубликовала статью А. Куржиямской «Монтрё-79» о Международном конкурсе развлекательных телевизионных программ.

Упоминая о Шильонском замке, автор пишет: «Но до него редко кто доходит: к нему привозят лишь туристов, и только название расположенного недалеко отеля «Бонивар» напоминает об узнике, которому, побывав в Шильоне, мятежная душа Байрон посвятил поэму и, покинув Швейцарию, уехал сражаться в гарибальдийском отряде».

И тут меня одолели сомнения. Ведь Байрон написал «Шильонский узник» в 1816 году, когда будущему прославленному вождю за национальное освобождение и объединение Италии было всего 9 лет! Известно также, что Гарибальди впервые вступил в освободительную борьбу в 1833 году, почти 10 лет спустя после смерти поэта.

Не мрачный, не злой, не курящий,
Не филателист, не гончар,
В густой поэтической чаще
Я вроде бы как санитар.
Щебечет беспечно на ветке
Иной, желторот и игрив.
Сражаю иронией меткой —
Не ястреб, не сокол, не гриф.
Случается, стих у кого-то
На обе ноги захромал.
Не коршун, не кондор —

с налета
Пародией бью наповал.
А тех, в ком таланта ни грана,
Я, ласковый, нежный добряк,
Сбиваю с копыт эпиграммы —
Не беркут, не сип, не степняк.
Питаюсь я пищей скромной,
Чужие обиды коплю,
Но труд свой огромный и скромный
До изнеможенья люблю!
Не рыжий, но и не безусый,
Я громкую славу обрел.
Хожу среди членов Союза —
Не ара, а гордый орел.

Ну, как тут не вспомнить
«Горе от ума» и Репетилова с
его словами:

«...О Байроне, ну о матерях
важных,

Частенько слушаю, не
разжимая губ...»

Надо было бы последовать
примеру Репетилова.

И. ШИНКАРЕНКО,
заслуженный врач РСФСР.

СОАВТОРЫ

Кинорежиссер Фома Гордеевич Гнилорадович на свой новый фильм-памфлет из западной жизни «15-летний капитал» пригласил одновременно двух композиторов.

Композитор Мизгирь Ватиканский, лет под сорок, наголо стриженный неврастеник, одевался в замызганные шорты и незастегнутую рубашу, из-под которой виднелся висящий на магазинной бечевке оловянный нателный крест. Ватиканский ходил круглый год не только в шортах, но и босиком, что выглядело особенно странно зимой, когда он, закутанный в рваную оленью доху, появлялся в общественных местах. Босые ноги он завел, чтобы оправдать свою кличку, — про него уже давно говорили: «Этот босаяк. Ватиканский». Бесспорно, он был совершенно феноменальным лентяй, что не мешало ему быть автором музыки к бесчисленному количеству фильмов.

Его соавтор Гена Птицелов, молодой человек с носиком пуговкой, близко посаженными круглыми голубыми глазками и льняными кудрями ниже плеч, пел в третьесортном джазе и поражал слушателей своим феноменальным диапазоном от баса-профундо до «колоратурного сопрано».

Ни о каком сочинении музыки он и не помышлял, пока занялся этим делом его не уговорил Гнилорадович, постоянно ищущий скрытые молодые таланты. После его настойчивых призывов Гена стал бездумно напевать невнятные вокализы.

Надо сказать, что ни один из двух приглашенных композиторов не знал, что у него есть соавтор. Режиссер, уверенный, что оркестровую музыку Ватиканский делает, как обычно, «на уровне», боялся, что с песнями он не справится — творческий метод его был недоступен для вокалистов. Оба мастера знакомы друг с другом не были, друг о друге не слыхивали, и теперь главной заботой Гнилорадовича было устроить так, чтобы до конца фильма они о своем насильственном соавторстве так и не узнали. А потом, когда увидят свои фамилии спаренными в титрах уже готового фильма, — извинимся, утешим, замнем, материально компенсируем! Поэтому на записях музыки обоих гениев разводили во времени, чтобы они случайно не встретились, не познакомились, не начали совместно выяснять отношения с режиссером.

...Нетерпеливо отстранив дирижера, Ватиканский встал за пульт. У музыкантов никаких нот не было, но они, зная творческий метод мастера, дружно взялись за инструменты.

— Значит, так, — в творческом экстазе зачесал бритую голову Мизгирь. — Кусок пойдет в произвольном метре, в выбранном вами самими темпе. Кларнет — играйте какие-нибудь пассажи. Альтовый саксофон — побулькайте трелями где-нибудь в среднем регистре. Тромбон — тяните до конца любую ноту. Рояль — импровизируйте. Ударные — бацайте как хотите. Гитары — чешите в ритме, ну, что ли, «босса-новы». Скрипачи... скрипачи пусть отдохнут. Репетнем!

Оркестр разом грянул бог весть что. Ватиканский удовлетворенно сопел.

— Я слышал репетицию. Мне понравилось, — сообщил появившийся Гнилорадович. — Вот только...

— Я очень рад, — недослушав, нетерпеливо сказал Ватиканский и крикнул оркестру: — Внимание! Пишем без изображения! Три минуты шестнадцать секунд. Эпизод «Агония Рокфеллера», дубль первый! Мотор! Начали! — И махнул с места оркестру, который снова заиграл нечто несусветное, но уже, естественно, совершенно другое.

...Когда павильон опустел, помреж из группы «15-летний капитал» ввел через потайной ход второго композитора и заботливо усадил его на стул перед шестью микрофонными стойками.

Эту запись проводил музыкальный редактор студии Веня Зверев, полный красавец с грузинскими усиками. Обычно веселый и жизнерадостный, он выглядел сегодня крайне мрачным: его мнением по поводу кандидатуры приглашенных композиторов никто не интересовался.

— Так, значит, в эту смену первым номером идет «Колыбельная маме». Очевидно, опечатка. Правильно: «Колыбельная мамы»?

— Нет, нет, — вмешался неожиданно возникший, похожий своими резкими чертами на гравюру Дюрера, автор текста Владимир Ленский. — Правильно — маме. Тут, понимаете, сцена, где больная старуха, мать миллионера Онипутаса, никак не может заснуть, а ее любящий сын поет ей колыбельную. Сатира на Запад. Просьба режиссера.

— Сыграйте, пожалуйста, музыку, — обратился Зверев к безучастно сидевшему Птицелову.

— Не... — вяло отозвался тот. — Не знаю играть...

Гена еще с детства знал вообще мало русских слов, хотя и был родом из-под Калуги, но, не имея в них надобности, почти забыл. В джазе он пел исключительно по-английски, тоже не зная языка, но выучивая текст на слух с пластинок. А в жизни, поскольку ему не с кем и незачем было разговаривать, он обходился элементарными несложными конструкциями, непременно включавшими в себя популярное слово «башли» («деньги», жарг.).

— Как это «не»? — удивился Зверев. — Ну, хотя бы одним пальцем на рояле?

— Не... — сообщил Гена. — Не знаю одним пальцем.

— Как же мы запишем песню? — еле сдерживаясь, возмущенно спросил редактор. — Черт знает что! Придется отменить запись!

— Запись отменять никак нельзя, — вмешался помреж. — У нас вечером смена под эту фонограмму. Актеры вызваны — Внуков, Домодедов и Шереметьев.

— Так что же делать? — заволновался Зверев. — Ну, а спеть-то хоть вы можете? — в отчаянии обратился он к Гене.

— Не... — привычно ответил тот, но тут же, опровергая самого себя, широко открыл рот и громко запел без всякого текста «Арию Иуды» из популярной рок-оперы «Иисус Христос», непринужденно переходя от басовых раскатов к комариному фальцету.

Замолкнув же, Гена Птицелов требовательно протянул руку.

— Башли! — сказал он решительно. — Башли мне!..

МИМОХОДОМ

К глупости человек приходит своим умом.

Не каждому дано то, что он имеет.

С. ПОПОВ.

Мошка, а взлетит — не дотянешься.

Эхо и на тигра рычит.

Н. ПОЛОТАЙ.

Он строит любую гору, только намеками, что на том месте нужно вырыть кому-то яму.

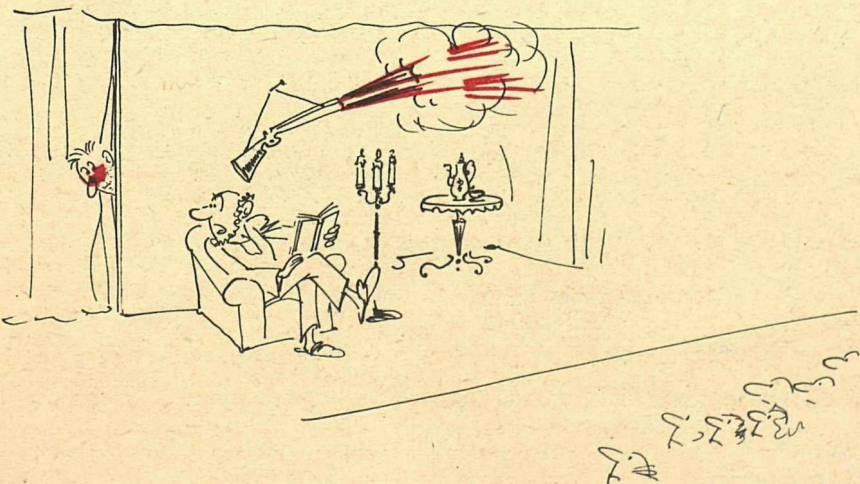
В. МЕРКУЛОВ,
г. Деражня.

Столько развелось вундеркиндов, что очень оригинально быть простым ребенком.

В. ЧЕВНОВОЙ.

В целях маскировки секретность использует все цвета радуги.

А. СОЛОМЧЕНКО.

— Дурень, рано!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Ю. ЧЕРЕПАНОВ
ОЛИМПИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1896

I Олимпиада

ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ТАЙМ-АУТА В АФИНАХ ВОЗРОДИЛИСЬ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ.

Грек почтальон Спиридон Луис потрянул стариной и победил в марафонском беге.

«Продается мотоцикл и бык с запчастями к нему».

Прислал А. Голышкин,
Куйбышевская область.

«Пропал годовалый козел. Особые приметы — очень наглый».

(Из объявления).
Прислал Р. Багаудинов,
Ольгинский район,
Приморского края.

«Здесь за сутки они надаивают по 750 килограммов молока от коровы, что на 200 килограммов больше прошлогодного».

Газета «Заря»,
г. Конаково.

«Ночная пьянка довела гражданина до того, что в угаре продал корову и гусей и остался бо-былем».

(Из письма в редакцию газеты).
Прислал Л. Бородин,
Курская область.

ОБЪЯВЛЕНИЕ:
КРАСНОДАРСКОМУ
Д/к ХЛЕБОРБОВ ТРЕ-
БУЕТСЯ ТОПКА ДЛЯ
УЧАСТИЯ В МАССОВЫХ
СЧЕНАХ.

администрация

Прислал Н. Трапицын,
г. Краснодар.

Внимание!

5 ИЮЛЯ В клубе состоится собрание.
На повестке дня вопрос:
КАК БЫТЬ С
БЫКОМ?

Начало: 20 часов

Прислал Ф. Песа, Гатчинский район, Ленинградской области.

«В нашем совхозе взрослые пополняются быстро растущим молодняком, который уже несколько лет размножает Петр Игнатьевич».

(Из выступления).
Прислал С. Попов,
г. Старый Оскол.

«Испытания минеральных добавок надо проводить на добросовестных доярках».

(Из выступления).
Прислала Л. Бородина,
Горьковская область.

«4 февраля. Дежурство прошло нормально».

5 февраля. Дежурство прошло нормально».

6 февраля. Все скотники были трезвые».

(Из вахтенного журнала
молочнокотоварной фермы).
Прислал А. Пучков,
г. Кузнецк.

УЛЫБКИ

— Вы могли бы не курить, когда я обедаю?

«Уикэнд», Англия.

Молодой артист пришел к известному критику и попросил написать рекомендательное письмо директору театра. Тот сел и написал: «Рекомендую вам своего друга. Он многоталантлив: играет Ромео, Гамлета, Цезаря, на флейте и на бильярде. Лучшее всего — на бильярде».

Роберт БЕНЧЛИ (США)

Одной из бесчисленных черт характера, которые отличают меня от Великих Людей нации, является моя неспособность дочитать детективный роман. Мне удается добраться до последних десяти страниц, но здесь-то и появляется всевозрастающее безразличие, и я отправляюсь к холодильнику.

Я способен справиться с первой частью детективного романа, той самой, в которой полно трупов и подозрительных лиц, и, как истинный любитель детективов, я волнуюсь, читая последующие части, озвученные душераздирающими криками и пистолетными выстрелами, и ехидно усмехаюсь, когда Скотланд-Ярд кусает ногти... Но лишь только наступит время расставить все на свои места и детектив должен объяснить, почему он пришел к заключению, что именно Скарборо совершил убийство, я внезапно осознаю, что даже не помню, как зовут действующих лиц, и, хуже того, меня это не особенно волнует.

Вероятно, как раз проблема фамилий и охлаждает мою любовь к детективным романам. По мере развития сюжета и появления все новых

— Нет, Мона Лиза, не так широко!

«Боз-ар», Бельгия.

Полицейский спрашивает у автомобилиста:

— Вы что, не видели красный свет?

— Нет.

— А когда я свистел, вы тоже не слышали?

— Нет.

— А когда я размахивал жезлом и кричал?

— Нет.

Полицейский зарыдал:

— Тогда, спрашивается, для чего я нужен!

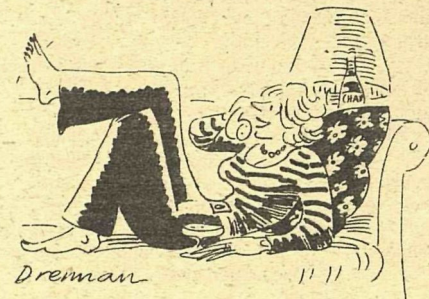
РАЗНЫХ

Дежурный администратор проходил по коридору отеля и услышал пение из-за двери. Сойдя вниз, он спросил у портье:

— А что, гостю из четырнадцатого номера уже вручили счет?

— Да, сэр.

— Странно, что он еще поет...

— У меня двойной праздник: муж сбежал с подружкой, которую я давно ненавижу!

«Графика», Аргентина.

Кто убил Альфреда Робина?

— Но ведь видели Маккарка, не так ли? Именно об этом сообщил Тими...

— Тими сказал, потому что боялся, что если Кларк узнает, что Ногалац заигрывал с Элли, он даст знать об этом банде Горелли, а Шинозиц расколется.

— Значит, вы не были уверены, что Кларк приходил в сыромятню в тот вечер?

— Я подозревал, но не был уверен до тех пор, пока мы не нашли складную квитанцию в кармане пальто Вандерхука и не узнали, что Дачи был замешан в этом вместе с Левином и Сабисти. Алиса Грац все знала, но не могла сказать, потому что боялась Макнамары.

— А как же страховой полис?

— Страховой полис, если вы потрудитесь вспомнить, был составлен на имя Остервилля, а эта собака принадлежала Пастерсону. Именно собака-то и раскрыла все.

— Ну, будь я проклят!

— Нет, этого мне бы не хотелось. Но вам придется поставить мне рюмку...

Перевели В. АРТАМОНОВ
и Л. ДЫМОВ.

Слова,
слова...

Ничто так не облегчает понимание политики кнута, как прищип.

М. Ген, американский социолог.

Наиболее значительным недостатком ума является его отсутствие.

Из шумерского теста «Проверьте ваш ум».

Кому много дано, у того чаще одалживают.

Приписывается Полю Гетти, покойному американскому миллионеру.

Глупо ломиться в открытую дверь, когда кругом столько закрытых.

Шутка вавилонских вахтеров.

Если вам больше пятидесяти и вы просыпаетесь утром и у вас абсолютно ничего не болит, значит, вы умерли.

Фольклор перуанских врачей.

Милан РИСТАНОВИЧ
(Югославия)

Короткое замыкание

Широт

Я мчался с работы сломя голову и успел все-таки. Футбол начинался через три минуты. Я уселся перед телевизором, нажал кнопку. Внезапно в нем что-то щелкнуло, и в квартире погас свет. Что за чертовщина! Бормоча проклятия, я выставил вперед руки, как слепец, и побрел к двери на лестничную клетку, где у нас находятся пробки. На лестнице тоже было темно. Я постучал к соседям, может быть, у них найдется фонарик или свеча. Вместо ответа раздался оглушительный лай и в дверь что-то тяжко стукнуло. Боже, подумал я, не хватало еще, чтобы это исчадие ада выскочило на лестницу. Соседей, очевидно, не было дома, и их свирепый дог бесновался в свое удовольствие.

Я поспешно ретировался, основательно стукнувшись по дороге о собственную дверь. Исчадие продолжало лаять с такой силой, что наш дом-новостройка, как мне почудилось, начал тихонько раскачиваться. Сбросив вазу со стола, я нащупал коробок спичек и снова двинулся на лестницу.

Тем временем в басовитый лай дога вплеся истерический тонкий визг. Где-то наверху открылась дверь, и визг стремительно скатился вниз. Сейчас эта маленькая дрянь вцепится мне в ногу, подумал я, но в этот момент сверху послышался крик.

— Какого черта, — вопил мужской голос, — не дадут футбол посмотреть спокойно!

Владелец голоса оказался тучным мужчиной, державшим в руках свечу. Он кричал так, что даже дог испуганно замолчал, а маленькая собачонка забила в угол. Он жаловался на короткое замыкание, на качество электропроводки, на слабую результативность форвардов, на идиотов, не умеющих пользоваться электричеством, и вообще на цивилизацию. Еще секунда — и он кинулся бы на меня с кулаками, но по лестнице сбегала девушка и нежным голосом сказала:

— Папочка, перестань, не забывай о своем повышенном давлении...

В свете свечи я увидел ангела в

джинсах. Тоненькая, стройная, с копной волос, падавших на высокую грудь, она казалась мне неземным порождением короткого замыкания.

Теперь молчали мы все: дог за дверью, визгливая болонка, гипертоник и я.

— Возьмите свечу и исправьте что там случилось, — сказала она и увела отца.

С той минуты я потерял покой. Она снилась мне каждую ночь. Она сидела рядом со мной на стуле в нашем отделе комплектования, она ехала со мной в автобусе. Как, как познакомиться с ней? Я перебрал тысячи вариантов, но ни один не годился. И наконец я понял, что смогу увидеть ее только при коротком замыкании. Но для этого надо, чтобы моих соседей опять не было дома, и никто не мог бы успокоить дога, чтобы болонка выскочила на лай, чтобы гипертоник кинулся за ней, а уж за ним мой ангел в джинсах.

Я экспериментировал несколько месяцев. Я доставал соседям билеты на концерты популярных певцов, я замыкал электричество, дразнил дога, называя его старой дворнягой. Ничего не получалось. Вечно что-нибудь не срабатывало. То дог отказывался лаять, то гипертоник воспринимал темноту с олимпийским спокойствием, то ангел летал где-то по своим делам.

Наконец все совпало, и повторилась сцена, лишившая меня покоя. Боже, как она была хороша! Она увидела меня, подошла и тихонько спросила:

— А как вы это делаете?

— Что? — пробормотал я.

— Ну, короткое замыкание...

— А-а-а для чего вам?

Она улыбнулась и пожала плечами: — Похоже, что это единственный способ увидеться с вами...

Мы женаты уже четыре года, и каждый раз, когда я слышу слова «короткое замыкание», у меня теплеет на сердце.

Перевел А. ГЛУХОВСКИЙ.

«Эпока», Италия.

Памяти друга

Умер Владимир Захарович Масс.

Ушел из жизни писатель — драматург, поэт, сценарист, автор множества произведений широкого диапазона — от лирической комедии до острой сатиры.

Еще долгие годы будут читатели, слушатели, зрители смеяться, глядя на похождения дружного коллектива музыкантов в кинокомедии «Веселые ребята», слушать призывный голос трембиты в одноименной оперетте, забавные и трогательные дуэты в «Белой акации», «Самом заветном», «Москва — Черемушки» — музыкальных комедиях, полюбовавшихся миллионом зрителей.

И герои пьес «Где-то в Москве», «О друзьях-товарищах», «Сады цветут» и сейчас волнуют сердца зрителя, хоть и написаны были давно.

А сборники сатирических стихов и публикации последних стихотворных произведений в журналах и на страницах газет — живое свидетельство неувядаемого мастерства, точного прицела и целеустремленности поэта.

Он очень хорошо знал, видел, понимал всем существом, «что такое хорошо и что такое плохо».

И то, что было «хорошо», озял доброй улыбкой, с легкой укоризной подправляя в хорошем, то, что было чуть-чуть нехорошо,

а то, что было «плохо», бичевал нещадным пером сатирика.

Много лет Владимир Масс был активным автором «Крокодила». Его мастерство было эталоном для молодых сатириков: ясная мысль, точное, острое слово, безупречное владение богатым арсеналом сатирического оружия поэта радовали при каждой новой встрече. Его любили и уважали.

Владимир Масс отдал немало лет театральной деятельности: работал как режиссер, заведовал литературной частью, во время Великой Отечественной войны руководил фронтовой театральной бригадой.

В Союзе советских писателей Владимир Масс руководил семинарами молодых драматургов, был экспертом по вопросам литературы во Всесоюзном управлении охраны авторских прав, вел активную общественную работу. А в редакции «Крокодила» — редактор сатирических сборников, рецензент и консультант отдела литературы, а главное — неутомимый, непримиримый борец за действенную силу сатиры в советской литературе.

Мы всегда будем помнить его добрую улыбку и острое перо, жизнеутверждающее звучание его поэтического таланта.

КРОКОДИЛЬЦЫ

№ 1 (2299)

январь

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН.

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора), А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор), Г. О. МАРЧИК, И. М. СЕМЕНОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (ответственный секретарь).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:

101455,
МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, А. Артемов, С. Ашмарин, М. Вайсборд, В. Владов, Е. Гуров, Р. Друман, П. Козич, Н. Малов, В. Милейко, Е. Милутка, В. Мохов, И. Норинский, Ю. Черепанов, В. Шкарбан.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 6.12.79. Подписано к печати 14.12.79. А 07967. Формат бумаги 70×108/16. Offsetная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1—3 600 000). Изд. № 218. Заказ № 1630.

© Издательство «Правда». «Крокодил». 1979 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Боже, как меняются времена! Моя мать все еще прекрасно помнит, как отец первый раз поцеловал ее, а моя сестра уже забыла, как звали ее первого мужа!

Посетитель протянул чиновнику пачку купюр.

— Что это, взятка?! — возмутился чиновник.

Испуганный посетитель хотел было забрать деньги обратно, но чиновник добавил:

— Ваше счастье, синьор, что я точный.

Семейная идиллия: муж читает газету, жена вяжет, у ее ног пес, в камине пылает огонь.

Жена говорит мужу:

— Умоляю тебя, не говори «да, дорогая» всякий раз, как пес зарычит со сна.

— Что несешь?
— Ахинею.

Рисунок В. ШКАРБАНА

«Европейские страны НАТО заинтересованы в размещении новых американских ракет среднего радиуса действия на своей территории уже потому, что это создает почву для конструктивных сдвигов на переговорах по разоружению».

(Из передачи Би-Би-Си)

Спасибо мудрецам из Британской радиовещательной корпорации! Открыли всем глаза на кратчайший путь к разоружению. Вот только не потрудились изобразить, как они мыслят себе процесс «создания почвы» для переговоров, так сказать, в натуре.

Что ж, мы, со своей стороны, можем внести в это дело скромную лепту. Хотя бы применительно к Британским островам.

...Итак, в заранее назначенный день и час, под перезвон башенных часов Вестминстерского аббатства, с которого обычно начинается общение Би-Би-Си с публикой в эфире, вступает в действие новое обязательное для всех правило: «Ядерную ракету — каждой семье».

Само собой, фирмы, связанные деловыми отношениями с Пентагоном, согласятся продавать эти ракеты населению в кредит под небольшой, доступный всем процент. Ну, а кому позволят средства, могут приобрести дополнительно в свое личное пользование танк, сверхзвуковой бомбардировщик или даже авианосец. Детворе рекомендуется покупать автоматы, пулеметы, минометы и прочее обычное оружие, дабы и инфантильная часть населения не осталась в стороне от «мирной инициативы» Би-Би-Си.

Таким образом будет блистательно воплощена в жизнь старая добрая английская поговорка: «Мой дом — моя крепость».

Да что там дом! Любая улица! Вместо фонарных столбов — ракеты среднего радиуса действия. Даблдекеры — двухэтажные лондонские автобусы — сплошь все переоборудованы: на верхних площадках зенитные ус-

тановки. Витрины магазинов, те, что пошире, — боксы для танков, те, что поуже, — гаражи для бронетранспортеров. Во всех кафе и ресторанах ножи и вилки заменены штыками и шомполами. Модницы гуляют в противогазах, а на площадках для гольфа вместо клюшек у всех миноискатели.

Особое оживление у Бродкастинг Хаус — центрального здания Би-Би-Си. Здесь популярный ансамбль «Хунвэйбитл» распевает под традиционные шотландские волынки новый шлягер:

Покупайте бомбы — это лучшие
Сувениры по любому случаю:
К рождеству и званому обеду
И ко дню рождения — соседу!

А на знаменитом лондонском стадионе «Уэмбли» идет бескомпромиссное сражение между «Арсеналом» и «Рейнджерсом». «Рейнджеры» давно славятся своими снайперами, поэтому все они со снайперскими винтовками. Но «Арсенал» тоже не лыком шит: он лупит по воротам «рейнджеров» из дальнобойных орудий кумулятивными снарядами...

Конечно, на все это нужны денежки, и немалые. Но подлинных патриотов, как говорит миссис Тэтчер, никакие налоги не устроят. Зато уж тогда будет создана солидная база для «конструктивных сдвигов» в деле разоружения.

...Таким, видимо, представляется бибисистам и весь грядущий западноевропейский ландшафт, подготовленный к переговорам по разоружению. Ну, а то, что круглый стол для таких переговоров в этот ландшафт никак не вписывается, — это их волнует меньше всего. Потому и продолжают они бибисистематически начинать эфир милитаристскими проповедями.

Дежурный комментатор Виктор САМАРИН